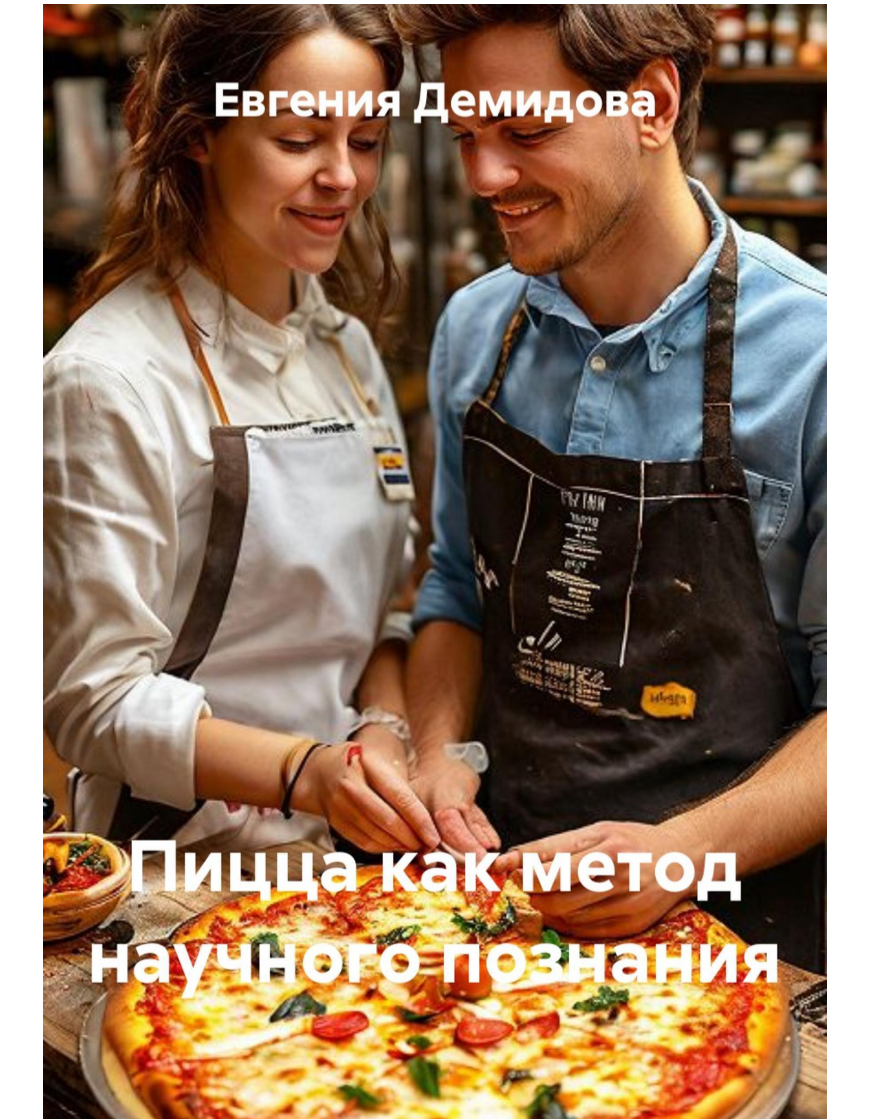

A man and a woman are smiling and looking down at a large pizza on a metal tray. They are both wearing aprons over their shirts. The woman is on the left, wearing a white shirt and a white apron. The man is on the right, wearing a blue shirt and a dark apron. The pizza is topped with melted cheese, tomato slices, and green herbs. The background is a blurred kitchen setting with shelves containing various items.

Евгения Демидова

Пицца как метод
научного познания

Евгения Демидова

Пицца как метод научного познания

<https://litres.ru/74233398>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Пицца как метод научного познания» — история о том, как настоящие открытия случаются не только в лабораториях, но и за обычным столом. Мария и Алексей учатся слышать друг друга вне графиков и дедлайнов: порой лучший способ разобраться в чувствах и данных — просто сесть рядом и разделить пиццу.

Катя и Игорь помогают героям не прятаться от сложностей: первая рушит излишнюю серьёзность, второй напоминает, что за любой большой целью стоит живой человек. Через взлёты и тяжёлые испытания герои понимают: наука не обязана быть холодной, а эмоции не мешают видеть суть.

В финале они перестают выбирать между «правильным» и «настоящим»: находят баланс между работой и близкими людьми и учатся держаться вместе — даже когда всё рушится. И если нужно — склеивать мир заново за одним столом.

Содержание

История	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Евгения Демидова

Пицца как метод научного познания

История

Два года Мария ходила на собрания студенческого научного сообщества так, будто это был её личный ритуал. Она садилась на третий ряд, чуть сбоку, чтобы видеть Алексея, но не слишком бросаться в глаза. Его голос — спокойный, уверенный, с лёгкой хрипотцой от долгих докладов — она могла узнать среди сотни других. Он говорил про квантовую физику, про алгоритмы, про будущее науки, а она слушала и думала: «Если бы ты только знал, как я стараюсь. Если бы ты просто посмотрел на меня не как на помощницу, а как на девушку».

Она исправно выполняла все поручения: собирала данные, сверяла источники, печатала графики, бегала за кофе, когда дедлайны поджимали. Для неё это было не обязанностью, а способом быть рядом. И всё это время она молчала. Боялась, что если скажет хоть слово о своих чувствах, то разрушит хрупкое равновесие, в котором они существовали: он — наставник, она — старательная студентка.

А потом в команде появилась Катя. Русоволосая, смешливая, с вечной привычкой говорить всё, что думает. Сначала Мария сторонилась её: Катя казалась слишком громкой, слишком открытой, слишком чужой на фоне их серьёзной лаборатории. Но однажды они задержались допоздна, разбирая кривые на графиках, и Катя вдруг сказала: «Ты так на него смотришь... будто он для тебя не просто председатель».

Мария покраснела до корней волос и хотела всё отрицать, но что-то внутри сломалось, и она вдруг выложила всё: про два года тишины, про каждую записку, которую так и не решилась передать, про то, как замирает сердце, когда Алексей улыбается кому-то другому.

Катя слушала, не перебивая, а потом хлопнула ладонью по столу: «Так, хватит. Ты не можешь так жить. Напиши ему. Прямо сегодня. Или хотя бы скажи: Мне важно с тобой поговорить. Пусть будет неловко, пусть будет страшно, но ты хотя бы попробуешь».

И Мария решилась. 25 июля, когда в городе стояла духота, а окна в аудитории были распахнуты настежь, она села за ноутбук и написала сообщение. Пальцы дрожали, слова получались скомканными, но она нажала «Отправить» прежде, чем успела передумать.

Ответ пришёл быстро — слишком быстро, будто Алексей даже не задумывался. «Мария, ты отличный член команды, я очень ценю твою работу. Но сейчас я не ищу отношений. Давай останемся коллегами и друзьями».

Сердце ухнуло вниз. Она ответила что-то невпопад, про «конечно, всё нормально», про «я просто хотела уточнить по проекту», хотя проект тут был ни при чём. А потом схватила телефон и написала Кате.

Через секунду телефон затрясся от потока сообщений. «Не переживай!», «Это не конец!», «Давай я сама ему напишу, нет, лучше ты напиши, что это была шутка, нет, не шутка, а метафора...», «Может, он просто испугался? Давай придумаем план!»

Но Мария уже знала: план не нужен. Алексей был искренен. Он не хотел её обидеть — он просто честно сказал, что не чувствует того же. И в этой честности было что-то горькое, но настоящее.

Следующие дни дались тяжело. Мария старалась не смотреть на Алексея лишний раз, но это было невозможно — они работали над одним проектом, сидели за соседними столами, пили кофе из одной кофемашины. Иногда, когда он смеялся над чьей-то шуткой, у неё внутри что-то обрывалось — не от ревности даже, а от осознания, что она годами собирала эти осколки его улыбок, как драгоценные камушки, а теперь не знала, куда их деть. Они жгли ладони, но выбросить их было всё равно что предать саму себя — ту, что так отчаянно верила в эту любовь.

Однажды он подошёл к ней и тихо сказал: «Мария, я не хочу, чтобы между нами было неловко. Ты очень важна для команды. И для меня — как друг».

Она кивнула, сглотнув комок в горле, и прошептала: «Я понимаю. И спасибо, что сказал прямо».

А Алексей, отходя от её стола, чувствовал, как внутри всё сжимается от странного, колючего чувства — вины пополам с облегчением. Он ведь действительно не хотел ничего усложнять. Для него наука всегда была убежищем — местом, где всё можно разложить по полочкам, где хаос превращается в формулы, а эмоции не имеют права голоса. Когда он читал её сообщение, в груди на секунду стало тесно, как будто кто-то сжал сердце в кулаке. И он ответил быстро, почти на автомате, чтобы не дать себе времени подумать: «Давай останемся друзьями». Но стоило отправить, как его накрыло запоздалое понимание: он не просто отказал — он аккуратно, но твёрдо закрыл дверь, за которой могло быть что-то большее. И теперь, видя, как Мария старается держаться ровно, как прячет глаза, он ловил себя на мысли, что, возможно, сделал это слишком грубо. Слишком сухо. Слишком по-научному — будто чувства можно свести к уравнению и решить за пару минут.

Постепенно неловкость начала таять. Не сразу, не до конца, но она перестала быть невыносимой. Мария всё так же помогала с проектами, но теперь делала это не ради шанса быть замеченной, а потому что ей правда нравилось разбираться в данных, видеть, как из хаоса цифр рождается поряд-

док.

А ещё она стала ближе к Кате. Они начали ходить в маленькое кафе рядом с университетом, обсуждать не только науку, но и фильмы, книги, глупые истории из детства. Катя научила её смеяться над собой, и однажды Мария вдруг поняла, что может говорить об Алексее без дрожи в голосе: «Да, он классный руководитель. И да, я когда-то в него влюбилась. Но это не вся моя жизнь».

Осень всё-таки пришла — тихая, золотая, с запахом остывающего асфальта и горячего чая из термоса. Проект, над которым они столько работали, победил на региональном конкурсе, и в университете ещё долго висели афиши с их командой. Мария всё так же приходила на собрания, всё так же садилась чуть сбоку, но теперь в груди не было того колючего напряжения — только спокойная уверенность, будто она наконец нашла своё место.

Алексей тоже изменился — не внешне, а в мелочах. Он стал чаще спрашивать её мнение, а не просто раздавать поручения. Однажды задержался после собрания и тихо сказал:— Знаешь, я всё время думаю, как ты видишь эти данные. У тебя какой-то свой угол, я его не сразу замечал. Прости, что раньше не спрашивал.

Мария только улыбнулась, не зная, что ответить, но в этой фразе было что-то тёплое, будто между ними снова протянулась ниточка — только теперь уже не из её тайной влюблённости, а из уважения и доверия.

Сам Алексей долго репетировал эти слова в голове, пока шёл по коридору. Ему было непривычно просить мнение — он всегда считал, что руководитель должен знать лучше. Но чем больше он смотрел на её графики, тем яснее понимал: она видит то, что ускользало от него. И эта мысль одновременно восхищала и пугала. Восхищала — потому что рядом с ним был человек, который смотрел на мир иначе. Пугала — потому что это означало, что он не такой уж всезнающий, каким привык себя считать.

А потом случился день, когда всё будто сложилось само собой. Наступил конец октября, и в городе резко похолодало. Мария забыла дома шарф, и, пока бежала от общаги до корпуса, продрогла до костей. В аудитории было шумно, все обсуждали следующий этап проекта, но она никак не могла согреться — пальцы не слушались, а зубы предательски стучали.

Алексей это заметил. Не сразу, но заметил — он вдруг прервал обсуждение, подошёл и молча снял свой тёплый вязаный шарф, накинул ей на плечи. — Держи. Ты вся дрожишь.

Она хотела отказаться, привычно сказать «всё нормально», но вместо этого просто кивнула и закуталась в него, вдыхая запах кофе и книжной пыли — такой знакомый, такой родной.

— Прости, что тогда так сухо ответил, — вдруг тихо ска-

зал он, присаживаясь рядом. — Я правда не хотел тебя обидеть. Просто... я тогда вообще не был готов ни к чему, кроме науки. Думал, что если начну что-то чувствовать, то потеряю фокус. А потом увидел, как ты не сломалась, как продолжила работать, даже когда было тяжело... и понял, что, может, я тогда слишком поспешно всё отрезал.

В этот момент Мария вдруг остро почувствовала, как много в ней ещё осталось той самой боли — не кричащей, а тихой, въевшейся под кожу. Ей хотелось одновременно и прижаться к нему, и отодвинуться, чтобы не выдать, сколько сил ей стоило не сломаться тогда. Но она удержалась. Потому что теперь между ними было не молчание, а разговор — и это было дороже любых объятий.

Мария подняла на него глаза — и впервые за два года не опустила взгляд. — Я тоже не хотела всё портить, — призналась она. — Боялась, что если скажу, ты согласишься на меня иначе. А потом... потом оказалось, что хуже всего — это не знать.

Они сидели так, плечом к плечу, пока шум в аудитории понемногу стихал, и люди расходились. И когда в комнате стало тихо, Алексей тихо спросил: — Можно я попробую всё заново? Не как руководитель команды, а просто... как человек, который хочет узнать тебя по-настоящему.

И Мария, улыбнувшись, кивнула: — Давай. Только на этот раз без дедлайнов и графиков.

С тех пор они стали гулять после собраний — не спеша,

по пустым улицам, где фонари зажигались один за другим. Говорили обо всём: о детстве, о страхах, о том, как пахнет дождь в октябре и почему звёзды кажутся ближе именно в холодные вечера. Алексей всё чаще ловил себя на том, что смотрит не на экран ноутбука, а на то, как Мария морщит нос, когда смеётся. А Мария наконец-то могла говорить о своих чувствах — не втайне, не в черновиках сообщений, а вслух, и слышать в ответ не «я не ищу отношений», а «я рад, что ты мне это сказала».

Их история не стала сказкой с мгновенным счастливым концом. Она была настоящей — с неловкими паузами, с попытками подобрать правильные слова, с тем, как они учились быть не просто коллегой и руководителем, а двумя людьми, которые постепенно открывают друг друга.

Но в один вечер, когда небо было особенно звёздным, Алексей остановился, посмотрел на неё и тихо сказал:— Знаешь, два года назад я даже не понимал, сколько всего ты для меня делаешь. А теперь... теперь я просто хочу, чтобы ты знала: я вижу тебя. Всю тебя. И мне этого очень не хватало.

Мария взяла его за руку — крепко, уверенно — и ответила:— Я здесь. И я никуда не пропаду.

Катя узнала обо всём первой — не из сообщения, не из намёков, а потому что Мария просто не смогла держать это в себе. Они сидели в их любимом кафе, где на подоконнике дремал рыжий кот хозяина, а в воздухе пахло корицей и

свежим хлебом. Мария заговорила, запнулась на первом же слове, покраснела, потом рассмеялась и выпалила всё разом.

Катя замерла с кружкой в руке, а потом вдруг вскочила, чуть не опрокинув стол, и обняла Марию так крепко, что у той хрустнули плечи.— Я знала! Я чувствовала! — шептала она, а потом отстранилась, схватила салфетку и начала быстро чертить какие-то схемы. — Так, план. Нет, не план, это уже не нужно. Это уже случилось. Но надо отметить! Обязательно! И... и надо, чтобы он понял, какой он счастливчик.

Мария смеялась, прикрывая лицо руками, и впервые за долгое время чувствовала, что её радость не нужно прятать, не нужно сжимать в кулаке, чтобы никто не заметил. Она могла просто сиять — и Катя сияла вместе с ней.

А потом случилось кое-что ещё. Их проект, тот самый, над которым они столько бились, пригласили на всероссийскую конференцию в Санкт-Петербург. Билеты, проживание, выступления — всё было организовано, но мест в гостинице оказалось ровно на команду, а сопровождающий куратор поехать не смог. И тогда Алексей, немного помявшись, спросил:— Мария, если ты не против, мы могли бы взять одно двухместное... ну, то есть, не вместе, конечно, просто чтобы сэкономить, но если тебе некомфортно, я пойму...

Он так забавно путался в словах, что Мария не выдержала и рассмеялась.— Да я не против. Только давай сразу договоримся: никаких рабочих вечеров. Мы едем смотреть город. Дворцовую площадь, разводные мосты... ну и выступить, ко-

нечно. Но сначала — жить, а не только работать.

Алексей улыбнулся — по-новому, легко, будто с него тоже свалился какой-то тяжёлый груз.— Договорились. Никаких графиков после восьми. Только чай, мосты и разговоры.

В Питере было сыро и ветрено, но им это даже нравилось. В первый вечер они заблудились где-то между Казанским собором и набережной, свернули не туда, попали под короткий, но яростный ливень и укрылись в крошечной книжной лавке, где пахло старой бумагой и ванилью. Катя бегала вокруг, фотографировала всё подряд, а Мария и Алексей стояли у полки с потрёпанными томами и просто смотрели друг на друга, мокрые, смеющиеся, счастливые.

— Знаешь, — тихо сказал Алексей, когда дождь стих, и они вышли на улицу, где фонари отражались в лужах, как маленькие солнца, — я раньше думал, что чувства — это что-то, что мешает. Что они размывают фокус, заставляют ошибаться в расчётах. А теперь понимаю: может, они просто добавляют в расчёты то, чего раньше не хватало. Смысл.

Мария взяла его за руку, переплетая пальцы, и ответила:— А я думала, что, если признаюсь, всё сломается. А оказалось, что сломалось только моё молчание. И это было самое тяжёлое.

Они шли по набережной, не спеша, слушая, как город шепчет что-то своё, вечное. Где-то вдали начинал медленно подниматься мост, и ночь становилась всё глубже, а их шаги — всё увереннее.

Конференция прошла блестяще. Их доклад вызвал столько вопросов, что дискуссия затянулась на час, а профессор из Москвы даже попросил контакты, чтобы предложить стажировку. Но в середине дискуссии, когда зал взорвался аплодисментами, Мария вдруг почувствовала, как её накрывает паника — не от волнения, а от внезапного, ледяного страха: «А что, если это всё ненадолго? Что, если завтра он поймёт, что ошибся, и вернётся к тому сухому давай останемся друзьями?» Она сжала кулаки, чтобы унять дрожь, и только тепло его ладони, на мгновение накрывшей её запястье под столом, помогло ей удержаться и не сбежать.

Алексей заметил этот жест — как она стискивает пальцы, как на секунду в её глазах мелькает тень. И его самого вдруг накрыла волна странного, почти парализующего страха — не за доклад, не за репутацию, а за то, что он может всё испортить. Что он не умеет быть тем, кто ей нужен. Что он слишком привык держать дистанцию, слишком привык прятаться за формулами и дедлайнами, и теперь, когда она наконец рядом, он просто не знает, как не ранить её снова. И именно поэтому он накрыл её запястье своей рукой — не для поддержки публики, а для себя самого: чтобы почувствовать, что она здесь, настоящая, живая, и что он должен быть бережнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.